

С того самого дня Ци Хэли больше не тренировался в саду поместья. Чтобы обрести хоть какое-то душевное спокойствие, он предпочитал каждый день уезжать далеко за город — с копьём наперевес и верхом на коне.

Как-то раз, катаясь по окрестностям и пытаясь развеять тоску, он вдруг услышал отчаянные крики. Обернувшись, юноша увидел мчащуюся во весь опор лошадь. Понесший конь тащил за собой роскошный экипаж прямо в густую чащу леса.

Не раздумывая ни секунды, Ци Хэли сжал бока своего скакуна и ринулся наперерез. Поравнявшись с обезумевшим животным, он уперся ногами в стремя, рванулся всем телом и перепрыгнул на спину чужой лошади. Натянув вожжи, юноша напряг руки изо всех сил и заставил испуганного зверя остановиться. Повозка замерла у самого края леса.

Вскоре подоспел и всадник — статный мужчина средних лет в богатых одеждах и с драгоценным поясом. Сначала он торопливо справился о самочувствии тех, кто находился в экипаже, а затем направил коня к Ци Хэли. Окинув юношу внимательным взглядом, незнакомец почтительно сложил ладони и улыбнулся:

— Герой познается в юности, какое великолепное мастерство! Молодой благодетель спас мою супругу, примите же мой искренний поклон.

— Не стоит благодарности, — Ци Хэли вежливо ответил на приветствие. Ему не хотелось пускаться в долгие разговоры, и он уже собирался уехать.

Но незнакомец поспешил его остановить:

— Постойте, молодой человек! Я не бывал в столице много лет и совсем позабыл дорогу. Не согласитесь ли вы проводить нас в город, если это вас не затруднит?

Ци Хэли присмотрелся к мужчине. Тот держался открыто, а его манеры выдавали благородное происхождение. Проникшись к нему симпатией, юноша молча кивнул в знак согласия.

Они поехали бок о бок, следуя за экипажем. Попутчик оказался человеком общительным и дружелюбным. Направляя коней к городским воротам, он завел непринужденную беседу:

— Нынче при дворе почитают книги и презирают оружие. Дошло до того, что все только и твердят о науках, напрочь забыв о воинском долге, — мужчина тяжело вздохнул. — В юности я вместе с отцом побывал на границе. Своими глазами видел, как наглые варвары грабят и разоряют наших жителей. Каждые три года Министерство ритуалов являет миру нового чжуаньюаня, но за столько лет страна так и не обрела полководца, способного защитить рубежи от чужаков.

Мужчина слегка улыбнулся и негромко продекламировал:

— «Зачем мужам не взять мечи Угоу, чтоб пятьдесят округов возвратить? Кто из ученых, скажите мне, взошел в палату Линъянь, чтоб титул получить?»

Он покачал головой:

— Большинство нынешних князей да герцогов носят титулы лишь благодаря былым заслугам своих предков. Роскошь и праздность давно выжгли в них ту ярость, с которой их прадеды завоевывали эти земли. Вот почему я так обрадовался, встретив вас сегодня.

Изначально Ци Хэли взялся за боевые искусства лишь для того, чтобы укрепить слабое здоровье, а позже — чтобы завершить обучение у наставника и вернуться домой. Он полагал, что предел его устремлений — помогать слабым да восстанавливать справедливость при случайных встречах на дороге. Юноша никогда не задумывался о высшем предназначении своего пути.

Эти слова пробудили в его груди забытый огонь. Собственный отец никогда не говорил с ним подобным образом. И то, что случайный попутчик открыл ему душу и нашел столь важные слова поддержки, глубоко тронуло Ци Хэли.

— Позвольте узнать, где вы остановитесь в столице? — искренне спросил он. — Могу ли я навестить вас позже, чтобы вновь побеседовать?

— О, это очень просто, — с улыбкой отозвался мужчина. — Сперва мы с супругой нанесем визит в дом министра Ци, а после остановимся в поместье князя Цзиня. Если решите прислать визитную карточку, просто укажите, что ищете маркиза Цзянлин, Цзян Бичэна.

Ци Хэли остолбенел.

— Дом министра Ци... поместье князя Цзиня... Вы прибыли из Цзянлина?

— Именно так. А из какой семьи будете вы, молодой человек?

Экипаж свернул за угол, и впереди показались ворота усадьбы Ци. В душе Ци Хэли поднялась буря противоречивых чувств. Он молча указал плечью на каменных львов, охранявших вход:

— Мы приехали. Это мой дом.

Цзян Бичэн изумленно округлил глаза, но тут же просиял:

— Неужели ты и есть старший молодой господин Ци? Какая поразительная удача!

Ци Хэли покачал головой:

— Старший молодой господин Ци — мой брат. Я второй сын в семье.

— Как жаль!.. — вырвалось у маркиза.

Осознав, что сболтнул лишнее, он поспешно исправился:

— То есть... Оказывается, передо мной дорогой племянник! Наши семьи ведь связаны тесными узами!

Тем временем у ворот усадьбы Ци уже выстроились слуги во главе с хозяевами, готовые к торжественной встрече. Маркиз Цзян сошел с коня и бережно помог спуститься из экипажа своей супруге. Это была невероятно красивая женщина, чьи ясные, словно осенняя вода, миндалевидные глаза были точь-в-точь как у Цзян Мэнчжэня.

Прибывшими оказались родители Цзян Мэнчжэня — чета маркиза Цзянлин. Они приехали в столицу, как и договаривались, чтобы окончательно обсудить свадьбу сына.

Ци Хэли наблюдал, как его отец и мачеха с преувеличенным радушием, переходящим в откровенную лесть, уводят дорогих гостей внутрь поместья. Сам он остался стоять у ворот, крепко сжимая в руке хлыст и невидящим взглядом глядя перед собой.

Благодаря заступничеству маркиза Цзянлин, Ци Хэли впервые в жизни удостоился чести сидеть за общим семейным столом. Ему отвели самое скромное место в конце, по правую руку от его единокровной сестры, Ци Цюэцяо. Стоило юноше сесть, как девушка презрительно фыркнула и демонстративно отодвинула свои тарелки подальше, словно боясь испачкаться о ничтожного бастарда.

Гнев жаркой волной подкатил к горлу Ци Хэли, но в этот момент он поймал на себе взгляд сидящего напротив Цзян Мэнчжэня. Тот тепло улыбнулся ему и поднял чарку с вином:

— Матушка рассказала мне о случившемся. Если бы не ваша отвага, второй молодой господин, беды было бы не миновать. Позвольте мне выразить вам свою искреннюю признательность.

Цзян Мэнчжэнь сделал легкий глоток. Ци Хэли же, не мигая, осушил свою чашу до самого дна.

— К чему эти церемонии? — негромко ответил он. — Подобная вежливость лишь отдаляет нас друг от друга...

— Вот именно! Я сразу понял, что этот юноша мне по душе! — громогласно подхватил маркиз Цзян.

Он принялся увлеченно пересказывать собравшимся подробности спасения супруги, не скупясь на похвалы в адрес министра Ци за столь достойное воспитание сына. От этих комплиментов лицо старого господина Ци пошло пятнами — ему стоило больших усилий сохранить невозмутимый вид. Ведь он и пальцем не пошевелил ради воспитания второго сына.

— Брат Ци, оба твоих наследника — один искусный в науках, другой доблестный в ратных делах — настоящие драконы среди людей! Я искренне тебе завидую!

— Вы слишком добры, маркиз, слишком добры! Это чрезмерная похвала! — поспешно запричитал министр.

Госпожа Ци поспешила вмешаться, не желая, чтобы безродный бастард затмил ее любимого сына:

— Благодарю за добрые слова, маркиз! Моему Фэнцзю уже через несколько дней предстоит держать экзамен. Наставники из Государственной академии в один голос твердят, что у него есть все шансы занять первое место и стать чжуаньюанем. Мы с супругом всем сердцем молимся, чтобы он одержал эту победу!

Цзян Бичэн, будучи человеком прямодушным, не уловил скрытого соперничества и искренне восхитился:

— Помню, ваш почтенный дед в свое время занял второе место на экзаменах, став баньянем. Похоже, молодой господин Ци превзойдет своих предков! Сразу видно, что дом Ци из поколения в поколение славится своей ученостью!

Ци Фэнцзю попытался вежливо возразить, но в этот момент в его горле нестерпимо запершило, а перед глазами все поплыло. Он торопливо выхватил из рукава платок и прижал его к губам, пытаясь сдержать подступающий кашель. Он и так пришел на этот пир из последних сил, а теперь его лицо залило лихорадочным румянцем, спина покрылась холодным потом, и у него едва хватало сил сидеть ровно.

Качаясь, он оперся на плечо стоявшего рядом слуги. Мальчишка оказался сообразительным и тут же поклонился гостям:

— Прощу простить нашего молодого господина. Он всю ночь напролет читал книги перед экзаменом и сильно утомился. Пожалуйста, проявите снисходительность.

Госпожа Цзян, будучи женщиной мягкой и доброй, ничуть не обиделась. Она ласково произнесла:

— Бедное дитя, это мы побеспокоили тебя своими разговорами перед столь важным испытанием. Ступай скорее отдыхать. Закончишь экзамены, тогда и побеседуем.

Ци Фэнцзю не мог вымолвить ни слова. С трудом изобразив подобие прощального поклона, он покинул залу, поддерживаемый слугой под руки.

Застолье продолжалось, и развеселившийся Цзян Бичэн то и дело вовлекал Ци Хэли в разговор. Госпожа Ци исходила злостью, но была вынуждена натягивать на лицо фальшивую улыбку.

Когда трапеза наконец подошла к концу, все вздохнули с облегчением. Поскольку чета Цзян только прибыла в столицу, ни одна из сторон не хотела казаться излишне торопливой, дабы не уронить достоинство семей, поэтому разговор о помолвке решили пока не заводить.

Маркиз с супругой отбыли в поместье князя Цзиня, договорившись через пару дней забрать туда и Цзян Мэнчжэня, чтобы провести некоторое время всем вместе.

Едва проводив гостей, госпожа Ци, задыхаясь от сдерживаемой ярости, ворвалась в кабинет старшего сына. О его самочувствии она даже не подумала спросить. Вместо этого женщина принялась иступленно твердить, что он обязан отстоять честь семьи и ни в коем случае не позволить жалкому выскочке-бастарду занять его место под солнцем.

Ци Фэнцзю и без того терзался смутным беспокойством из-за того, как тепло маркиз отнесся к его младшему брату. Немного переведя дух, он вновь заставил себя сесть за свитки. С самого детства он купался в любви родителей и похвалах учителей, но теперь эта слепая вера близких превратилась для него в непосильное бремя.

Нотации матери лишь подлили масла в огонь. В груди юноши все сжалось, голову сдавило тисками невыносимой боли. Он хотел было позвать слугу, чтобы тот принес горячего отвара, но стоило ему открыть рот, как горлом хлынула темная кровь.

Госпожа Ци в ужасе заголосила, оглашая поместье пронзительными криками. Ци Фэнцзю бессильно опустился на стул. Он отчетливо понимал, что сейчас поставил на кон собственную жизнь. Если ему удастся сдать экзамен и получить звание чжуанъюаня, все невзгоды и хвори отступят сами собой. Если же нет... из этой пучины болезни ему уже никогда не выбраться.

В день начала весенних экзаменов Ци Фэнцзю не мог идти сам — слуги буквально тащили его под руки к дверям Экзаменационного двора. Испытания должны были продлиться три дня без перерыва. Подобное напряжение истощило бы даже совершенно здорового человека, что уж

говорить о смертельно больном юноше.

Утром перед уходом родители лишь сухо поинтересовались, все ли кисти и тушь он взял с собой. Никто из них даже не взглянул на его бледное, истощенное лицо и не попытался остановить его, уберегая от верной гибели.

Сжимая в дрожащих пальцах подаренный Цзян Мэнчжэнем кошель «Сорвать корицу в Лунном дворце», Ци Фэнцзю упрямо думал:

«Даже если бы меня умоляли остаться дома, я бы все равно пришел сюда. Нужно лишь выстоять эти три дня. Одержав победу на поприще наук, я смогу заявить права на брак и исполнить все заветные мечты».

Словно бросая вызов самой смерти, он высвободился из рук слуг и нетвердым шагом вошел в ворота Экзаменационного двора.

В этот самый миг госпожа Ци усердно молилась перед домашним алтарем, окутанная клубами благовоний. Старый господин Ци предавался праздным утехам в веселом квартале, развлекаясь с сослуживцами. Ци Хэли стоял на холме в предместье столицы, устремив задумчивый взгляд на черепичные крыши Экзаменационного двора. А в поместье князя Цзиня звенел счастливый смех — семья Цзян Мэнчжэня праздновала долгожданное воссоединение.

Ни один из них еще не догадывался, что колесо их судеб уже сделало свой первый, необратимый поворот.

<http://bllate.org/book/19598/2002413>